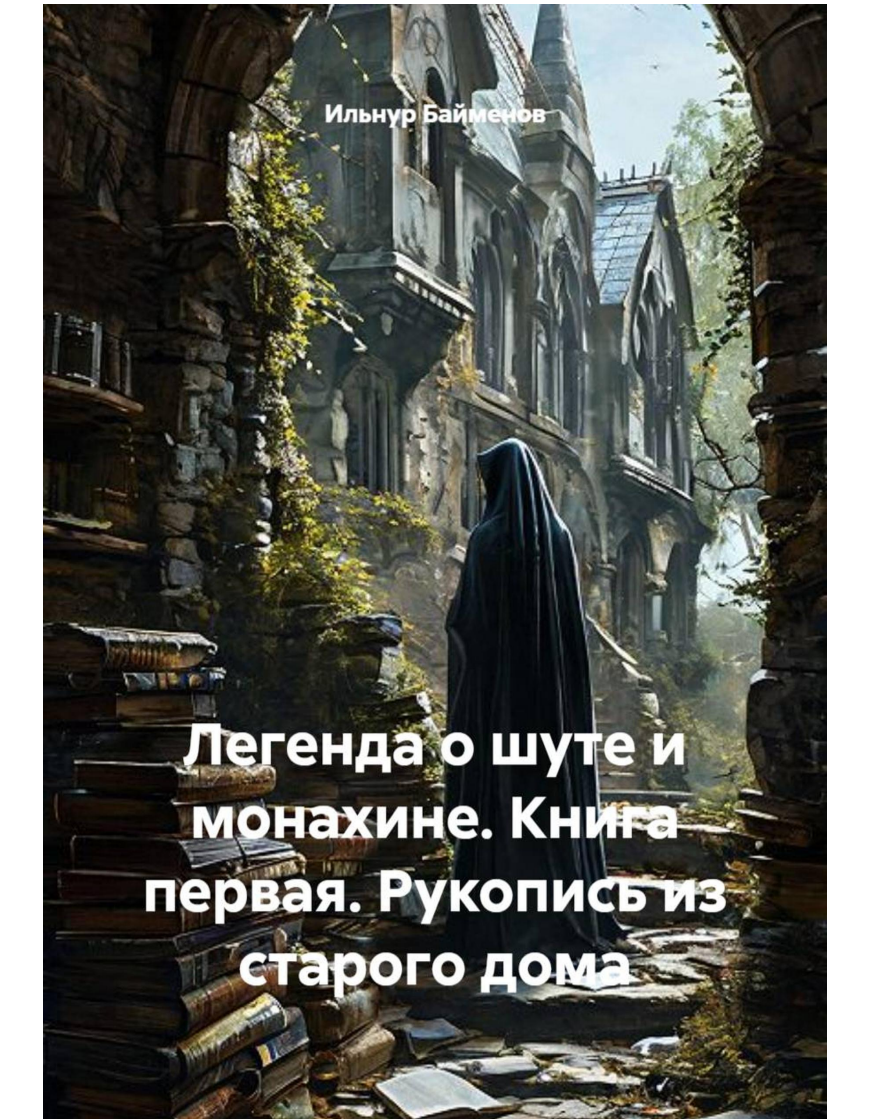

Ильнур Байменов

**Легенда о шуте и
монахине. Книга
первая. Рукопись из
старого дома**

Ильнур Байменов

Легенда о шуте и монахине. Книга первая.

Рукопись из старого дома

<https://litres.ru/74350342>

SelfPub; 2026

Аннотация

Получив в наследство старый дом, Кирилл находит в подвале чёрную тетрадь. Стоит написать в ней любое желание — и оно исполняется. Но за каждую строчку приходится платить: воспоминаниями, страхами, лицами близких. Тетрадь породила Шута — тень, которая забирает плату и смеётся над каждым новым автором. Монахиня, запертая внутри страниц, пытается помочь, но у неё почти нет времени. Теперь Кирилл должен найти способ уничтожить рукопись, спасти свою сестру, которая уже стала её частью, и не потерять самого себя. Мистика, городские легенды и леденящий душу хоррор в первой книге серии «Легенда о шуте и монахине». Смогут ли герои остановить древнее зло или им придётся заплатить самую высокую цену?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ильнур Байменов

Легенда о шуте и монахине. Книга первая.

Рукопись из старого дома

Глава

ПрологПоздней осенью, когда город уже окутал серый, промозглый туман, а мокрый асфальт отражал жёлтые огни уличных фонарей, в моём почтовом ящике оказалось письмо, которого там быть не должно. В этом доме, на этой лестничной клетке, где пахло чужими ужинами и сыростью, я привык находить только квитанции и рекламные листовки. Но в тот вечер среди газетной макулатуры лежал плотный конверт — без марок, без обратного адреса, с единственной надписью на лицевой стороне: «К. А. Кравцову, лично». Буквы были выведены чернилами, с нажимом, и их резкие линии наводили на мысль, что писавший не терпел возражений. Я стоял в полумраке лестничной клетки, и свет тусклой лампы падал на конверт, делая его похожим на приглашение в другой мир.Поднявшись в свою квартиру, я долго держал конверт в руках, прежде чем вскрыть. Какое-то внут-

реннее чутьё подсказывало, что этот момент станет поворотным, что после того, как я разорву бумагу, ничего уже не будет как прежде. Так и оказалось. Из конверта выпал старый ключ — чугунный, массивный, с буквой «М» на головке, которая была выгравирована так глубоко, что её можно было прощупать пальцами. Ключ был тёплым, будто его только что сжимали в ладони, и этот факт заставил меня вздрогнуть: письмо лежало в ящике неизвестно сколько времени, но металл сохранил тепло живого прикосновения. Я повертел ключ в руках, изучая каждую царапину, каждую неровность. На ободке я заметил едва различимую гравировку — дату: «1913». Это было задолго до моего рождения, задолго до рождения моей матери. Ключ был старше, чем я мог себе представить. Вместе с ключом из конверта выскользнула записка на пожелтевшем листе, испещрённая машинописными буквами. Шрифт был старым, с неровными очертаниями, местами краска прорывала бумагу, словно удары клавиш были слишком сильными. В записке значилось: «Твоя бабушка умерла. Дом твой. Адрес прилагаю. Если не приедешь — сожгу. И ключ не дублируй. Он последний.» Ни подписи, ни обращения, ни намёка на вежливость. Только сухие факты и угроза, от которой по спине пробежал холод. Я перечитал эти строки раз пять, пытаюсь осознать их смысл. Бабушка? У меня никогда не было бабушки — так мне говорили. Мать всегда утверждала, что её мать умерла, когда мне было три года, что у меня нет ни бабушек, ни дедушек, ни

каких-либо родственников, кроме неё самой. И вот теперь — «твоя бабушка умерла». Значит, она была жива. Всё это время она была жива, и я ничего не знал. Но страннее всего оказалось другое: я узнал почерк на конверте. Не сам почерк — я не видел его семь лет, — а манеру письма, наклон букв, то, как автор нажимал на бумагу. Так могла писать только моя старшая сестра Анна. Та, которую я потерял после ссоры, когда мы оба наговорили друг другу горьких слов, которые невозможно взять обратно. Она исчезла, сменила номер, удалила все страницы в соцсетях, растворилась в воздухе. Я искал её, но безуспешно. А теперь она оставляла мне ключ от дома умершей бабушки и угрожала поджогом. Я набрал её старый номер, который хранил в памяти, но никогда не набирал. Трубку не взяли. Я написал сообщение: «Это ты? Где ты? Что за ключ?» — ответа не последовало. И тогда я понял: мне придётся поехать по адресу, указанному в письме. Не потому, что я боялся, что сестра сожжёт дом, а потому что это был единственный способ узнать правду, которая так долго была от меня скрыта. На следующее утро я взял отгул на работе, бросил в рюкзак фонарик, воду и немного еды и выехал на окраину города. Дом стоял в старом районе, где когда-то жили купцы и фабриканты. Теперь улицы заросли травой, а большинство особняков стояли пустыми, с заколоченными окнами и облупившейся краской. Тот, который искал я, оказался самым старым и мрачным — двухэтажный, из тёмного кирпича, с резными наличниками и вы-

сокой крышей, на которой местами зияли дыры. Вокруг разросся бурьян, а старая яблоня во дворе была сухой и мёртвой, хотя на её ветвях всё ещё висело несколько сморщенных плодов. Я вставил ключ в замок — он вошёл с мягким щелчком, как будто его ждали. Дверь открылась, и меня встретил запах пыли, старого дерева и чего-то сладковатого, почти приторного, отчего голова слегка закружилась. Внутри было темно, и я включил фонарик. Луч выхватил из полумрака старую мебель, выцветшие ковры и картину в конце коридора — женщину в чёрном платке, с лицом, наполовину скрытым тенью. Её глаза смотрели прямо на меня, и в них было столько печали, что я невольно задержал дыхание. Я подошёл ближе к картине и заметил, что в углу рамы вырезана та же буква «М», что и на ключе. Это была не просто картина — это был портрет моей бабушки. Теперь я был в этом уверен. Я прошёл в гостиную. На массивном письменном столе лежала чёрная тетрадь, кожаная, с потёртым корешком. На обложке — та же буква «М». Я открыл её. Первая страница была исписана бисерным почерком — я сразу узнал его. Это была моя мать. Строчки прыгали, слова путались, как будто она писала в спешке, боясь, что кто-то прервёт её. Я читал её отчаянный голос, её страх, её попытки спасти себя от того, что она сама же и вызвала. Она просила прощения, она умоляла, она проклинала тот день, когда впервые открыла эту книгу. Она оставила мне не просто предупреждение — она оставила мне свой собственный путь, свой собствен-

ный кошмар, чтобы я не повторил её ошибок. На последней странице я нашёл другой почерк — корявый, торопливый, с кляксами. Сестра. «Ты открыл. Теперь ты — автор. Шут уже знает твоё имя. Монахиня пытается помочь, но у неё мало времени. Не пиши о том, что любишь. Пиши только о том, что готов отдать.» И подпись: «Твоя сестра. Та, кто не успела.» Когда я поднял глаза, в дверях гостиной стояла тень — безликая, высокая, с длинными руками, почти касавшимися пола. Она дышала хрипло, и от неё исходил холод. Её дыхание напоминало звук ржавого насоса, который качает что-то тягучее и тёмное. — Здравствуй, автор, — сказала она. — Я ждал тебя. Рукопись проголодалась.

Глава 1

Я не спал всю ночь. Свет от уличного фонаря пробивался сквозь щели в старых шторах и ложился на пол узкими жёлтыми полосами, в которых кружились пылинки. Я сидел в кресле, сжав чёрную тетрадь в руках, и смотрел на неё. Она была тёплой, как живая, и я чувствовал, как под моими пальцами пульсирует что-то, что не имело названия. Никогда в жизни я не держал в руках ничего подобного. Это была не просто книга. Это была ловушка, и я уже попал в неё, хотя ещё не написал ни слова.

Тень исчезла, как только прозвучали её последние слова, но холод, который она оставила после себя, всё ещё витал в комнате. Я слышал, как ветер завывает за окном, как половицы поскрипывают под ногами, когда я вставал, чтобы

пройтись по комнате, но каждый раз я возвращался к столу и садился в то же кресло. Тетрадь лежала передо мной, раскрытая на последней странице, где сестра оставила своё предупреждение. Я перечитывал его снова и снова, пытаюсь найти скрытый смысл, но слова оставались теми же: «Ты открыл. Теперь ты — автор. Шут уже знает твоё имя. Монахиня пытается помочь, но у неё мало времени. Не пиши о том, что любишь. Пиши только о том, что готов отдать.»

Я не знал, кто такой Шут и кто такая Монахиня, но я знал, что они были реальны. Тень, которая стояла в дверях, говорила о себе как о Шуте, и я не сомневался, что она вернётся. Вопрос был в том, когда и с чем.

К утру мои глаза покраснели от усталости, но я не мог сомкнуть их. Я встал, отложил тетрадь в сторону и решил осмотреть дом. Мне нужно было понять, что это за место, кто здесь жил и почему моя семья оказалась связана с этой книгой. Я начал с гостиной, где висели старые фотографии на стенах, покрытые слоем пыли. На одной из них я увидел женщину, которая была похожа на ту, что была на картине в прихожей, — мою бабушку. Она стояла на крыльце этого же дома, и рядом с ней стоял мужчина, которого я не узнал. Он был высоким, с тёмными волосами и пронзительными глазами, и я чувствовал, что он был важной частью этой истории.

Я снял фотографию со стены и перевернул её. На обратной стороне было написано: «Мария и Александр, 1914 год». Мария — это была моя бабушка. Александр — вероятно,

мой дед, о котором я никогда не слышал. Дата совпадала с той, что была выгравирована на ключе. Это было началом всего.

Я прошёл в спальню на втором этаже. Там стоял старый шкаф, доверху заполненный одеждой, которая пахла нафталином и временем. Я выдвинул ящики и нашёл стопку писем, перевязанных бечёвкой. Они были написаны тем же бисерным почерком, что и первая страница тетради — почерком моей матери. Я развернул одно из них и начал читать.

«Дорогая мама. Я знаю, что ты не хотела, чтобы я брала эту книгу. Ты предупреждала меня, но я не послушала. Я думала, что смогу контролировать её. Я думала, что смогу использовать её силу для добра. Но я ошиблась. Она сильнее меня. Она забирает мои воспоминания, мои чувства, мою жизнь. Я боюсь, что скоро я перестану быть собой.»

Я перевернул письмо. На обороте было дописано карандашом: «Если ты читаешь это, значит, я уже исчезла. Прошу тебя, не повторяй моих ошибок. Уничтожь эту книгу, пока она не уничтожила тебя.» Я сжал письмо в руках. Моя мать исчезла, когда мне было восемнадцать. Я всегда думал, что она просто ушла, что она не выдержала жизни, что она бросила нас. Но теперь я знал правду: она была поглощена книгой, как и моя сестра.

Я начал читать другие письма. В них мать описывала свои попытки уничтожить книгу. Она писала, что бросала её в огонь, но та не горела. Она пыталась вырвать страницы, но

они срастались обратно. Она закапывала её в землю, но книга возвращалась в дом сама собой. Это было похоже на проклятие, от которого невозможно избавиться.

В одном из писем мать упоминала имя — «Монахиня». Она писала, что Монахиня была той, кто создал эту книгу, или, по крайней мере, той, кто пытался её уничтожить. Она жила в монастыре, который находился в нескольких часах езды от города. Я запомнил название монастыря, которое было написано на конверте одного из писем.

Когда я закончил читать письма, я чувствовал себя опустошённым. Вся правда о моей семье раскрылась передо мной, и я понял, что это была не просто история о проклятой книге. Это была история о том, как моя мать и сестра пытались спасти себя и других, и как они проиграли.

Я вернулся в гостиную и снова открыл тетрадь. Я знал, что должен сделать выбор: написать своё желание и попытаться спасти свою семью или оставить всё как есть и попытаться забыть о том, что я узнал. Но я также знал, что забыть не получится. Эта книга была частью меня теперь, и я должен был идти до конца.

Я взял ручку, которая лежала на столе, и открыл чистую страницу. Моя рука дрожала, но я заставил себя написать первое слово.

Первое слово, которое я вывел на странице, было неуклюжим, почти детским. Буквы дрожали, как будто я забыл, как держать ручку. Но я написал его. Это было простое слово:

«Я». И оно повисло на белом поле, как камень, брошенный в стоячую воду. Тетрадь не засветилась, не нагрелась — она просто лежала передо мной, ожидая продолжения. Я смотрел на это «Я» и понимал, что с этого момента я беру на себя ответственность за всё, что произойдёт дальше. Это была не просто игра слов. Это было решение, которое изменит всё. Я написал второе слово: «хочу». Затем третье: «вернуть». Я медленно составлял предложение, чувствуя, как каждое слово становится тяжелее предыдущего. «Я хочу вернуть свою сестру.» Я поставил точку и откинулся на спинку кресла. Страница оставалась белой, но я чувствовал, как по ней пробегают дрожь, как будто кто-то невидимый перевернул её. А затем я увидел, как мои слова начинают исчезать, как они впитываются в бумагу, как их заменяет новый текст, который появлялся прямо у меня на глазах. «Твоё желание принято. Плата: ты забудешь, как выглядит лицо твоей сестры. Ты будешь знать, что она существует, но не сможешь представить её. Это — цена за её возвращение.» Я отшатнулся от тетради, чувствуя, как внутри меня разрастается ужас. Я закрыл глаза и попытался вспомнить лицо Анны. Сначала я видел его отчётливо: тёмные волосы, серые глаза, лёгкую улыбку, которая всегда появлялась, когда она смотрела на меня. Но через мгновение её черты начали расплываться, как акварель под дождём. Я пытался удержать их, но они ускользали, как сон, который исчезает с первыми лучами солнца. Я знал, что она моя сестра, но я не мог представить её. В ту же секунду я

услышал звук — что-то тяжёлое упало в прихожей. Я вскочил с кресла, забыв о тетради, и бросился к двери. На полу лежала Анна. Она была жива, я слышал её дыхание, но она выглядела так, будто только что очнулась от долгого сна. Её лицо было бледным, глаза полуоткрыты, и она дрожала, как будто её тело забыло, что такое тепло.— Анна, — сказал я, опускаясь на колени рядом с ней. — Анна, ты слышишь меня? Она медленно открыла глаза и посмотрела на меня. В её взгляде было узнавание, но я чувствовал, что она смотрит на незнакомца. Она не помнила меня. Она не знала, кто я.— Где я? — прошептала она.— Ты дома, — сказал я, пытаюсь говорить ровно. — Ты в доме нашей бабушки. Она нахмурилась, пытаюсь вспомнить, но я видел, что у неё ничего не получается. Она закрыла глаза и снова потеряла сознание. Я поднял её и перенёс в гостиную, уложив на диван. Я накрыл её пледом, который нашёл в шкафу, и сел рядом, глядя на её лицо. Я знал, что она моя сестра, но я не мог вспомнить, как она выглядела до этого момента. Плата была взята. Через несколько часов она очнулась. Она медленно села, оглядываясь вокруг, и я видел, как страх сменяется удивлением, а затем — полным непониманием.— Кто ты? — спросила она, и в её голосе не было узнавания.— Я твой брат, — сказал я, чувствуя, как эти слова становятся тяжелее с каждым разом, когда я их произношу. — Меня зовут Кирилл. Она посмотрела на меня так, будто я называл себя инопланетянином.— У меня нет брата, — сказала она.— Теперь есть, — ответил я.

— И я объясню тебе всё, когда ты будешь готова. Я не знал, смогу ли я объяснить ей то, что произошло. Я не знал, поверит ли она мне. Но я знал, что должен попытаться. Я должен был найти способ вернуть её воспоминания и спасти её от книги, которая всё ещё ждала своего часа. Я снова взял тетрадь и открыл её. На странице появился новый текст, написанный холодным, ровным почерком: «Ты заплатил. Но это только начало. Если хочешь вернуть её память, ты должен пойти дальше. Найди Монахиню. Она знает, как разрушить книгу навсегда. Но помни: каждый шаг требует платы. Каждое желание — потери. Ты готов идти до конца?» Я смотрел на эти слова и чувствовал, как внутри меня поднимается решимость. Я был готов. Я должен был идти до конца, даже если это будет стоить мне всего. — Я готов, — сказал я вслух, и мои слова разнеслись по пустому дому.

Глава 2

Следующие несколько дней прошли в странном, тягучем ожидании. Анна почти не разговаривала со мной, и я не мог винить её за это. Она смотрела на меня, как на чужого человека, и в её взгляде была не агрессия, а скорее потерянности. Она пыталась вспомнить, кто она, но её память была чиста, как только что выпавший снег, и каждое моё слово тонуло в ней, не оставляя следа. Она задавала простые вопросы: «Где я?», «Что я здесь делаю?», «Почему я ничего не помню?». Я отвечал ей правду, насколько это было возможно, но я видел, что правда была тяжелее любой лжи.

Я оставил её на попечение соседки, старушки, которая жила через дорогу и давно уже не удивлялась странным вещам, происходящим в старом доме. У неё были добрые глаза, и она согласилась присматривать за Анной, пока меня не будет. Я не хотел оставлять сестру одну, но я знал, что другого выхода нет. Я должен был найти Монахиню.

Дорога до монастыря заняла почти четыре часа. Я ехал по разбитым просёлочным дорогам, и лес вокруг меня становился всё гуще, пока я не оказался в месте, где даже навигатор терял сигнал. Старый указатель, почти полностью съеденный ржавчиной, показывал направление, и я свернул на тропу, которая была больше похожа на звериную тропу, чем на дорогу. Через полчаса я увидел его — монастырь. Он стоял на холме, окружённый высокими соснами, и его тёмные силуэты напоминали мне о гравюрах из старых книг о призраках.

Я вышел из машины и огляделся. Вокруг было тихо, так тихо, что я слышал, как падают иголки с сосен. Где-то вдалеке кричала птица, но звук был глухим, как эхо, которое теряется в стенах каменного здания. Монастырь выглядел заброшенным. Окна были заколочены досками, двери закрыты на тяжёлые замки, а стены покрыты мхом и плесенью. Я подошёл к главному входу и толкнул дверь — она не поддавалась. Тогда я обошёл здание сбоку и нашёл небольшой проход, скрытый за густыми кустами.

Я протиснулся внутрь и оказался во дворе, заросшем тра-

вой по пояс. Яркий солнечный свет падал на каменные плиты, и я чувствовал, как жар от них поднимается вверх, смешиваясь с холодным воздухом. Я прошёл через двор к центральному зданию и нашёл полуоткрытую дверь. Она скрипела, как живое существо, когда я толкнул её, и я вошёл внутрь.

Внутри пахло сыростью, ладаном и чем-то древним, что невозможно описать словами. Я прошёл по длинному коридору, и мои шаги разносились гулким эхом, отражаясь от высоких сводчатых потолков. Я искал что-то, что могло бы дать мне ответы, и в конце коридора я увидел лестницу, ведущую вниз. Она была каменной, и каждая ступенька была выщерблена, как будто по ней ходили тысячи лет.

Я спустился. Внизу было темно, и я достал фонарик, включив его. Луч выхватил из темноты подвал, стены которого были исписаны странными символами. Они напоминали мне те, что были в тетради, но здесь они были старше, и я чувствовал, как от них исходит сила. В центре подвала стоял стол, и на нём лежала большая книга, переплетённая в кожу. Она была открыта, и я подошёл к ней.

Это была та же книга, которую я видел в доме бабушки, но старше. На её страницах было написано множество желаний, и каждое из них было зачёркнуто. Я видел имена, которые мне ничего не говорили, но я чувствовал, что за каждым именем стояла судьба. Внезапно я услышал шёпот, который доносился со всех сторон сразу. Я оглянулся, но никого не

было. Тогда я понял: это говорила книга.

— Ты пришёл, — сказал голос. Он был тихим, почти женским, и он звучал из самой глубины страниц. — Я ждал тебя. Ты ищешь Монахиню. Она здесь, но она не выйдет к тебе, пока ты не скажешь, зачем пришёл.

— Я хочу уничтожить книгу, — сказал я. — Я хочу освободить свою сестру и свою мать.

Голос замолчал, и я почувствовал, как воздух вокруг меня стал тяжелее. А затем из тени вышла она. Она была высокой, одетой в чёрную рясу, и её лицо было скрыто капюшоном. Она приблизилась ко мне, и я почувствовал, как от неё исходит тепло, контрастирующее с холодом, исходящим от книги.

— Ты готов заплатить за это? — спросила она.

— Да, — сказал я.

Она подняла голову, и я увидел её лицо. Оно было старым и молодым одновременно, и в её глазах я увидел бесконечность.

— Тогда пойдём со мной, — сказала она. — Я покажу тебе, как уничтожить книгу. Но ты должен быть готов к тому, что увидишь.

Я последовал за ней в темноту.

Она двинулась вперёд, и я последовал за ней, чувствуя, как воздух в подвале становится всё плотнее, как будто мы опускались в глубину земли, где давление сжимает лёгкие и заставляет сердце биться быстрее. Её шаги были бесшумны-

ми, и я слышал только своё дыхание, которое эхом разносилось по каменным стенам. Мы прошли через узкий коридор, который открылся в небольшую комнату, залитую тусклым светом от свечей, стоявших на полу по кругу. В центре этого круга стоял каменный алтарь, покрытый выцветшей тканью, на которой лежала старая, пожелтевшая книга — та самая, что я видел наверху, но теперь она казалась мне другой, более древней, более живой. — Это первоисточник, — сказала Монахиня, остановившись перед алтарём. — Та книга, которую ты видел в доме своей бабушки, — лишь копия, отражение, слабая тень того, что находится здесь. Именно из этой книги берут начало все артефакты, созданные человеческими желаниями. Если ты уничтожишь её, все остальные исчезнут. Все, кто был в них заперт, освободятся. Но есть одно условие: ты должен сделать это не из мести, не из ненависти, а из любви. Если в твоём сердце будет хотя бы тень желания отомстить или получить выгоду, книга поглотит тебя. Я стоял перед алтарём и смотрел на книгу. Она была старше, чем я мог себе представить. Кожа на её обложке была потрескавшейся, как поверхность пересохшей земли, а корешок был перевязан верёвкой, которая, казалось, сама была живой и пульсировала вместе с ней. Я протянул руку, чтобы коснуться её, но Монахиня остановила меня. — Не сейчас, — сказала она. — Сначала ты должен понять, что эта книга требует. Ты должен узнать её историю. Ты должен увидеть, что она оставила за собой в этом мире, и только тогда ты сможешь

уничтожить её без страха. Я отступил на шаг, и Монахиня начала рассказывать. Она говорила о том, что книга была создана монахом по имени Алексей в начале прошлого века, задолго до того, как я родился. Он был молодым и талантливым, но его жажда знаний и власти была слишком сильна. Он нашёл старые манускрипты в подвале монастыря и переписал их, создав книгу, которая могла исполнять желания. Он думал, что это сделает его богом, но вместо этого он стал рабом. Книга забрала его душу, и он стал её хранителем, её тенью, её голосом. Он был первым Шутом. — Но тогда кто ты? — спросил я, глядя на Монахиню. — Я была той, кто пыталась остановить его, — сказала она. — Я была его ученицей, и я видела, как он уничтожал себя. Я попыталась уничтожить книгу, но она была слишком сильна. Она забрала часть меня и оставила меня здесь, чтобы я охраняла её и ждала того, кто сможет сделать то, что не удалось мне. Она посмотрела на меня, и в её глазах я увидел нечто, что было похоже на мольбу. — Ты — тот, кого я ждала, — сказала она. — Ты готов сделать это. Я вижу это в твоих глазах. Я смотрел на неё, и я знал, что она права. Я был готов. Но я также знал, что должен быть осторожен. Я не должен был позволить книге обмануть меня. Я протянул руку к книге и коснулся её. В тот же миг я почувствовал, как мир вокруг меня исчез, и я оказался в пустоте, полной голосов, которые шептали мне слова, обещая всё, что я хочу. Я сжал книгу в руках и вспомнил, что я должен сделать. Я произнёс слово, которое Монахиня

дала мне.— Освобождение, — сказал я. И книга исчезла.

Глава 3

Я вышел из монастыря, и мир встретил меня светом, который казался мне новым. Я стоял на каменных ступенях, и ветер касался моего лица, он был свежим и чистым, и я вдыхал его полной грудью, чувствуя, как он проникает в мои лёгкие, как он наполняет меня энергией. Я не знал, что произошло в том подвале, но я знал, что книга исчезла. Я чувствовал это в воздухе, в свете, в земле под ногами. Исчезла не только та книга, которую я держал в руках, — исчезла сама связь, которую я чувствовал с ней с того момента, как открыл чёрную тетрадь в доме бабушки. Это было как освобождение от тяжести, которую я носил в себе, не зная об этом.

Я сел в машину, и дорога обратно была долгой, но я не чувствовал усталости. Я смотрел на поля и леса, которые проносились за окном, и думал о том, что я сделал. Я уничтожил первоисточник. Я освободил всех, кто был заперт в нём. Моя мать, моя сестра, Монахиня, все они были свободны. Но я также знал, что это не конец. Это было только начало.

Когда я добрался до дома, уже стемнело. Фонари зажигались один за другим, освещая улицы, и я смотрел на людей, которые шли по своим делам, и я чувствовал себя странно отделённым от них. Я был в этом мире, но я не был частью его. Я был хранителем теперь, и это было моё новое призвание.

Я зашёл в дом, и Аня сидела на диване. Она смотрела на меня, и в её взгляде я увидел нечто, что заставило моё сердце биться быстрее. Она узнала меня. Я видел это по её глазам, по тому, как она смотрела на меня, не отрываясь.

— Кирилл? — спросила она, и в её голосе было столько надежды, что я почувствовал, как слёзы наворачиваются на мои глаза.

— Да, — сказал я, подходя к ней. — Это я.

Она встала и подошла ко мне, и я обнял её. Это было первое объятие за много лет, и я чувствовал, как её руки обхватывают меня, как она прижимается ко мне, как она плачет, и я плакал вместе с ней.

— Я помню всё, — сказала она. — Я помню, что ты мой брат. Я помню, что я пропала. Я помню всё, что случилось. Но я не помню, как я вернулась.

— Я вернул тебя, — сказал я. — Я уничтожил книгу. Ты свободна.

Она отстранилась и посмотрела на меня. В её глазах было сомнение.

— Ты уверен? — спросила она. — Ты уверен, что она исчезла навсегда?

Я посмотрел на неё, и я знал, что она права. Я не был уверен. Я чувствовал, что книга была только одной из многих, и я должен был найти другие артефакты и уничтожить их. Но я также знал, что мы должны быть осторожны.

Я сел на диван, и Аня села рядом. Мы говорили о том, что

произошло за эти годы. Она рассказывала о том, как она была заперта в книге, как она слышала голоса и видела образы, но не могла ничего сделать. Я рассказывал ей о своей жизни, о том, как я искал её, как я нашёл дом и тетрадь.

— Мы должны найти остальные артефакты, — сказала она. — Я знаю, что они существуют. Я видела их, когда была внутри книги. Они все связаны, и если мы не уничтожим их, они будут продолжать приносить страдания.

Я кивнул. Я знал, что она права. Я был хранителем, и я должен был защищать этот мир от теней, которые могут прийти.

Мы начали планировать, и я знал, что это будет долгий путь. Но я был готов пройти его.

Ночь прошла спокойно. Я спал крепко, без снов, и проснулся с чувством, что новый день принесёт новые возможности.

Когда я вышел на кухню, Аня уже сидела за столом, и она смотрела на меня с улыбкой.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказала она.

Я подошёл к ней, и она протянула мне старую карту, покрытую пылью. На ней были отмечены места, где, по её словам, находились другие артефакты.

— Мы должны отправиться в путь, — сказала она.

— Да, — ответил я. — Мы отправимся завтра.

Глава 4

Утро началось с серого неба и мелкого, назойливого до-

жды, который барабанил по подоконнику и создавал ощущение уюта и одновременно лёгкой меланхолии. Я стоял у окна, глядя на мокрые улицы, по которым спешили люди с зонтами, и думал о том, что сегодня мы снова вступаем на неизведанную территорию. Карта, которую Аня нашла вчера, лежала на столе, и её края были такими старыми, что бумага крошилась при каждом прикосновении. Она была испещрена пометками, сделанными разными почерками, и некоторые из них были такими бледными, что я едва мог разобрать их. Но одно место было отмечено особенно ярко — красным крестом, который, казалось, был нарисован кровью.

Аня уже была готова. Она стояла в коридоре, одетая в простую тёмную куртку и джинсы, с рюкзаком за плечами, в котором лежали фонарики, вода, немного еды и книга теней, которую мы взяли с собой. Я видел, как она сжимает лямки рюкзака, как её пальцы слегка дрожат, но лицо было спокойным, почти безмятежным. Она научилась скрывать страх — или, может быть, она действительно уже не боялась. Я не знал, что из этого было правдой, но я был благодарен ей за эту маску спокойствия. Она была сильной, моя сестра. Сильнее, чем я думал.

— Ты готов? — спросила она, и её голос был ровным, как поверхность озера в безветренный день. Она смотрела на меня с ожиданием, и я видел, как в её глазах горит огонь, который я так хорошо помнил с детства — тот самый огонь, который всегда толкал её вперёд, даже когда всё казалось без-

надёжным.

— Всегда, — ответил я, хотя внутри меня всё сжималось от предчувствия.

Мы вышли из дома, и холодный ветер ударил в лицо, смешанный с каплями дождя, которые проникали под воротник куртки. Я поднял воротник и пошёл быстрее, стараясь укрыться под козырьком ближайшего здания, пока Аня доставала ключи от машины. Мы сели в автомобиль, и двигатель загудел, разгоняя тишину. Я повернул ключ зажигания, и «дворники» заскрежетали по стеклу, счищая капли воды, которые падали всё сильнее.

Первое место, отмеченное на карте, находилось в старом заброшенном посёлке, который исчез с карт ещё в середине прошлого века. Я никогда не слышал о нём, но Аня говорила, что во время её пребывания внутри книги она видела это место в своих видениях. Там, по её словам, хранился артефакт, который был создан одновременно с первой книгой, — старый компас, который показывал не стороны света, а двери в другие миры.

Дорога была долгой и извилистой. Мы ехали по разбитым просёлочным дорогам, которые постепенно переходили в грунтовки, а затем и вовсе исчезали, оставляя нас наедине с густым лесом, который, казалось, никогда не кончался. Дождь не прекращался, и я чувствовал, как влага проникает внутрь машины, как она оседает на стёклах, делая обзор почти нулевым. Я вёл машину медленно, стараясь не съехать

с дороги, которая была больше похожа на тропу, протоптанную зверями, чем на путь, проложенный людьми.

Через несколько часов мы остановились. Дорога кончилась, и дальше был только лес. Я заглушил двигатель, и тишина, которая наступила, была почти оглушительной. Дождь прекратился, и солнце начало пробиваться сквозь облака, создавая на земле причудливые узоры из света и тени.

— Нам нужно пройти пешком, — сказала Аня, открывая карту и вглядываясь в неё. — Посёлок должен быть в двух километрах отсюда.

Мы вышли из машины, и я почувствовал, как влажный воздух обволакивает меня. Лес был густым, и деревья стояли так плотно, что я едва мог разглядеть дорогу перед собой. Мы пошли вперёд, и наши шаги были тихими, почти бесшумными, как будто лес поглощал все звуки.

Через полчаса мы вышли на поляну, где стояли остатки старого посёлка. Это были не дома — это были руины. Стены, сложенные из камня, были покрыты мхом, и местами они обрушились, открывая пустоту внутри. Окна были пустыми, и в них завывал ветер, создавая звук, похожий на стон. В центре посёлка стояла старая церковь, полуразрушенная, но её стены всё ещё стояли, и я чувствовал, как от неё исходит странная энергия.

— Он там, — сказала Аня, показывая на церковь. — Компас там.

Я пошёл за ней, чувствуя, как сердце бьётся быстрее. Мы

вошли внутрь, и я увидел его. Он лежал на алтаре, старый, почти чёрный, и его стрелка дрожала, как живая. Я подошёл к нему и взял его в руки. Он был холодным, но я чувствовал, как от него исходит тепло, которое поднималось по моей руке и проникало в мою грудь.

— Я нашёл его, — сказал я.

— Да, — ответила Аня. — Но это только начало.

Я положил компас в рюкзак, и мы вышли из церкви. Солнце уже клонилось к закату, и я чувствовал, как усталость накапливается на меня. Я знал, что мы должны продолжать, но я также знал, что мы должны быть осторожны. Каждый артефакт был ловушкой, и каждый из них ждал своего часа.

Я сел на ступеньки церкви, и Аня села рядом. Мы молчали, глядя на закат.

— Ты думаешь, мы справимся? — спросила она.

— Мы справились с этим, — ответил я, показывая на компас. — Мы справимся и с остальным.

Она улыбнулась, и я увидел в её глазах ту же решимость, что и в своих. Мы были командой, и я знал, что мы останемся командой, что бы ни случилось. Мы найдём все артефакты. Мы уничтожим их. И мы будем свободны.

Глава 5

Мы сидели на ступенях старой церкви, и закат медленно угасал за верхушками сосен, окрашивая небо в багровые и золотые тона, которые постепенно переходили в глубокий фиолетовый цвет. Вокруг нас стояла тишина — не та, что

бывает в городе, где всегда есть какой-то фоновый шум, а та, которая бывает только в местах, где время остановилось и даже ветер, кажется, боится нарушить её. Я держал в руках компас, и его стрелка всё ещё дрожала, как живая, указывая не на север, а в сторону леса, за которым, как я чувствовал, лежал следующий путь. Я не знал, что там, но я знал, что компас не обманывает. Он был создан для того, чтобы находить двери в другие миры, и я чувствовал, что он уже начал свою работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.